

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Н. С. ПОСПЕЛОВ

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ НАСЛЕДСТВЕ С. КАРЦЕВСКОГО

7 ноября 1955 г. скончался в Женеве один из выдающихся представителей Женевского общества лингвистов С. Карцевский. 14-й выпуск «*Cahiers Ferdinand de Saussure*» (Genève, 1956) посвящен его памяти. В биографической заметке С. Стеллинг-Мишо сообщаются основные даты жизни Карцевского. Русский по происхождению и воспитанию, Сергей Осипович Карцевский родился в Тобольске 28 августа 1884 г. В молодости он преподавал в школе, сотрудничал в различных изданиях; за свою политическую деятельность Карцевский был арестован в Москве в 1906 г. и, отбыв тюремное заключение, поселился в Швейцарии. В Женевском университете он становится ревностным учеником Ф. де Соссюра и получает основательную лингвистическую подготовку под руководством Ш. Балли и А. Сешез. В марте 1917 г. С. Карцевский возвратился в Москву. Здесь на заседаниях Диалектологической комиссии Академии наук он выступал горячим сторонником лингвистических идей Соссюра. С 1920 г. Карцевский эмигрирует за границу. Он работает в качестве университетского преподавателя сначала в Страсбурге, а затем в Праге, где ведет большую педагогическую работу и редактирует журнал «Русская школа за рубежом». Еще в Москве Карцевский начал работу над книгой «Система русского глагола», впоследствии представленной им в Женевский университет в качестве докторской диссертации. Во вводной главе этой книги Карцевский дает обобщенное изложение своей точки зрения на язык как семиологическую систему и с позиций женевской школы раскрывает основные приемы лингвистического анализа, применяемые им к изучению словообразовательной и грамматической структуры русского глагола¹. В заключительном разделе вводной главы намечен план исследования внутренней (главы II—VI) и внешней (главы VII—IX) синтагматики глагола. Общее понимание внутреннего соотношения в структуре языка лексикологического, синтаксического, морфологического и фонологического планов отчетливо сформулировано Карцевским в его выступлении на 2-м Международном конгрессе лингвистов по вопросу об отношениях фонологических систем к общей структуре языка². В опубликованной впервые в 14-м выпуске «*Cahiers Ferdinand de Saussure*» статье «Понятие процесса в русском языке» (1937 г.) Карцевский спустя десять лет после напечатания своей книги возвращается с более общей точки зрения и к анализу семантической струк-

¹ S. Karczewski, *Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique*, Prague, 1927, стр. 13—39.

² «Actes du Deuxième Congrès international de linguistes, Genève. 25—29 août 1931», Paris, 1933, стр. 114—116.

туры глагола, выясняя, как русскими глаголами выражается действие, перемещение или положение в пространстве, становление и состояние, какие существуют типы устранения субъекта процесса при безличном употреблении глаголов¹.

В 1925 г. Карцевский сделал опыт краткого изложения основ грамматики русского языка², положенный им позже в основу «Повторительного курса русского языка», представляющего, по словам автора, «элементарное введение в науку о языке, построенное исключительно на явлениях родного языка»³. В своем учебном курсе Карцевский ставит себе задачей на материале русского языка дать в наиболее простой и лаконичной форме синхронное описание «логико-психологического механизма языка»⁴. Эту задачу Карцевский блестяще разрешил, сочетав в едином учебнике освещение основ общего языкознания (с точки зрения определенной лингвистической школы) и предельно сжатое изложение системы русского языка. В дальнейшем перед Карцевским встала более широкая и сложная задача — «изложить функционирование языковой системы более или менее исчерпывающим образом»⁵ в задуманной им «Структуральной грамматике русского языка»⁶.

Отдельными фрагментами этого незавершенного исследования являются работы по общим вопросам морфологии, структуре отдельных частей речи, синтаксису простого и сложного предложения.

Примечательно, что в своих набросках отдельных глав «Структуральной грамматики русского языка» Карцевский выходит за границы статического описания фактов и выдвигает вопрос о продуктивности грамматических категорий, динамике их внутреннего развития. Так, раскрывая соотношения между продуктивными классами глаголов и непродуктивными их группами, Карцевский не видит между ними непереходимой пропасти и, противопоставляя статической морфеме активный формант, утверждает, что «живой морфологический „класс“ является сферой действия очага излучения (*foyer de rayonnement*) энергии „продуктивности“, не одинаковой у всех формантов этого класса, и что язык в целом «представляет собой систему центров семнологического излучения»⁷. Изучая словообразовательную систему имен существительных, он стремится «выделить ж и в ы е морфологические элементы существительного, то, что сводится к изучению именного словообразования, как оно функционирует в настоящее время»⁸. В анализе категории наречия пристальное внимание Карцевского направлено на самый процесс образования наречий: он отмечает разные формы и этапы адвербиализации, указывает на адвербиальное перерождение имен существительных при сочетании их с предлогами, вскрывает значение полунаречия в случаях *звост трубы*, *думал всю дорогу*⁹ и т. п.

В анализе структуры сложной фразы Карцевский выдвигает гипотезу о генетической связи сочинительных союзов с восклицательными между-

¹ S. K a r c e v s k i, L'idée du procès dans la langue russe, «Cahiers Ferdinand de Saussure» (CFS), 14, Genève, 1956.

² С. О. К а р ц е в с к и й, Русский язык, ч. 1 — Грамматика, Прага, [1925].

³ Его же, Повторительный курс русского языка, М., 1928, стр. 5.

⁴ Там же, стр. 7.

⁵ Там же, примеч. 1.

⁶ С. Карцевский упоминает об этом в статье «Sur la structure du substantif russe» (сб. «Charisteria Gvilelmo Mathesio quinquagenario», Pragae, 1932, стр. 65).

⁷ S. K a r c e v s k i, Autor d'un problème de morphologie, «Annales Academiae scientiarum Fennicae», Ser. B, t. XXVII, Helsinki, 1932, стр. 85, 91.

⁸ Его же, Sur la structure du substantif russe, стр. 65.

⁹ Его же, Sur la nature de l'adverbe, «Travaux du Cercle linguistique de Prague» (TCLP), 6, Prague, 1936; ср. J. K u r y ł o w i c z, Le problème du classement des cas, «Biul. Polsk. t-wa językownawczego», zes. IX, Kraków, 1949, стр. 24.

мстиями¹, а подчинительных союзов с вопросительными местоимениями². Не свидетельствует ли это о том, что структурализм Карцевского явно не укладывался в тесные рамки синхронного анализа лингвистических явлений?

Несмотря на дух внутренней борьбы против статической лингвистики, пронизывающий отдельные грамматические этюды Карцевского, его общая концепция частей речи устанавливается им в рамках синхронного анализа в строгом соответствии с проводимым им разграничением четырех семиологических планов языка. В своем сообщении на эту тему на заседании Женевского общества лингвистов (1941 г.) Карцевский в основу такого разграничения поставил четыре возможных положения говорящего субъекта по отношению к «вещам»: 1) он их называет, 2) он их исчисляет, 3) он указывает на них, 4) он предоставляет им самим сигнализировать свое наличие³. В структуру первого семиологического плана входят существительное, прилагательное, глагол, наречие и предлог с его границей (*cas-limité*) — префиксом; во втором семиологическом плане располагаются числительные, в третьем — местоимения, в четвертом — междометия. При этом третий план выступает поставщиком (*fournit*) подчинительных союзов, а четвертый — союзов сочинительных. Нет ничего удивительного в том, что эта схема при обсуждении сообщения Карцевского в Женеве не встретила принципиальных возражений ни со стороны Балли, ни со стороны Сэшеэ, принявших участие в ее обсуждении.

В более отдаленной перспективе Карцевский думал о создании большого синтетического труда — цельного изложения лингвистической концепции, опирающейся на асимметрическое скрещение омонимии и синонимии в семантической структуре любого лингвистического знака. Этот замысел остался неосуществленным.

Как свидетельствует в своей статье-некрологе Р. Якобсон, «каждая из опубликованных Карцевским работ рассматривалась им только как подготовительный этап» для большого обобщающего труда, который так и не был создан. Но, как правильно замечает Якобсон, «Карцевский оставил прекрасные заготовки для этой *summa linguistica*». И в составе этих «вполне зрелых фрагментов фундаментальной книги о синтезе, которая вынашивалась в голове Карцевского, но никогда не была им закончена»⁴, первое место занимает его замечательная статья «Об асимметрическом дуализме лингвистического знака». В этой статье Карцевский, творчески развивая идеи Ф. де Соссюра, исходит из общего положения о языке как «семиологическом механизме», «колеблющемся между двумя полюсами, которые можно охарактеризовать как *общее и индивидуальное, абстрактное и конкретное*»⁵. При этом, по мысли Карцевского, каждый лингвистический знак в конкретной ситуации, в которой соприсутствуют и старое, уже известное, и еще неизвестное новое, необходимо оказывается одновременно и устойчивым, стабильным, и подвижным, изменчивым. «Общее и индивидуальное во всякой семиологической системе даны не как сущности (*entités*) — но, поскольку речь идет о двух координатах или о двух сериях семиологических значений (*valeurs*), одна из этих координат служит для различения дру-

¹ S. Karcevski, Introduction à l'étude de l'interjection, CFS, 1, 1941, стр. 72—75; е го ж е, Deux propositions dans une seule phrase, CFS, стр. 37 и сл.

² Е го ж е, Sur la parataxe et la syntaxe en russe, CFS, 7, 1948, стр. 37—38.

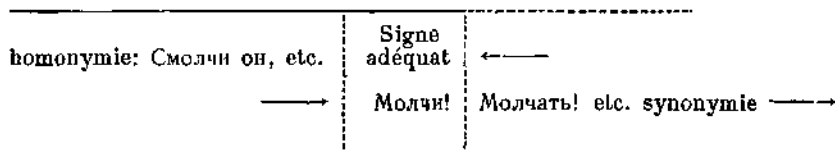
³ Е го ж е, Les quatre plans sémiologiques du langage [communication], CFS, 1, стр. 14.

⁴ См. R. Jakobson, Serge Karcevski, CFS, 14, стр. 9, 11.

⁵ S. Karcevski, Du dualisme asymétrique du signe linguistique, там же, стр. 18.

гой»¹. Ссылаясь на свое «Введение» к «Системе русского глагола», Карцевский подчеркивает, что различительный характер лингвистического знака не может быть обусловлен простым противопоставлением, а требует одновременного установления и сходства, и различия. На простых примерах Карцевский иллюстрирует, как один и тот же знак, например морфема *a* в разных сериях (*стол, столы, столу...*, *паруса, парусов...*, *жена, жены...* и т. д.), может выражать разные значения, и, наоборот, одно и то же значение может быть представлено разными знаками (например, значение множественного числа: *столы, паруса, крестьяне*). В понятийном аспекте языка в первом случае мы имеем дело с омонимией, во втором — с синонимией. Но так как каждый лингвистический знак принадлежит одновременно и к синонимическому, и к омонимическому ряду (ср., например, с одной стороны, *столы, паруса*, а с другой — *столы, жены*), то значит, что «каждый лингвистический знак потенциально является и омонимом и синонимом одновременно»². Таким образом, омонимия (в понимании Карцевского, т. е. самая возможность омонимизации) и синонимия (т. е. наличие в языке случаев полного совпадения по значению у разных знаков) образуют две «соотносительные координаты»³. В двойственной семантической структуре лингвистического знака означающее, т. е. звуковая форма (*phonique*), и означаемое, т. е. функция, по образному выражению Карцевского, непрерывно скользят «по склону реальности» (*sur la «pente de la réalité»*). «Каждое из них выходит за границы («*débordage*»), определенные ему его партнером: означающее стремится иметь другие функции, чем его собственная, а означаемое ищет способов быть выраженным другими средствами, чем его знак. Они асимметричны; спаренные друг с другом (*accouplés*), они находятся в состоянии неустойчивого равновесия»⁴.

В статье «Об асимметрическом дуализме лингвистического знака» Карцевский, в сущности, изнутри взрывает концепцию статической лингвистики женеваской школы. Но он сделал только первый шаг в этом направлении, вскрыв в самом единстве означающего и означаемого глубокий внутренний конфликт. Наличие такого конфликта хорошо иллюстрируется им самим следующей графической схемой, демонстрирующей разрыв между омонимией и синонимией в структуре лингвистического знака:

Раскрыть, как именно осуществляется принцип асимметрии в структуре лингвистических знаков различных семиологических планов, Кар-

¹ Там же, стр. 20. Более просто и отчетливо эта мысль сформулирована Карцевским в одной из последующих работ: «всякий живой лингвистический знак характеризуется... асимметрическим дуализмом своей структуры, так как он не что иное как скрепление отношений общего и частного» (S. K a r c e v s k i j, *Sur la phonologie de la phrase*, TCLP, 4, 1931, стр. 225).

² S. K a r c e v s k i j, *Du dualisme asymétrique...*, стр. 21. Ср. формулировку этого основного тезиса Карцевского во вводной главе его книги о системе русского глагола: «Транспозиция и синонимия — две стороны одного и того же явления». «Каждое значение (signification)... потенциально является и синонимом и „омонимом“ одновременно» («*Système du verbe russe*», стр. 31).

³ Ср. утверждение Е. Куриловича о существовании внутренней связи «между многозначностью (полисемией) слова и его синонимами» (Е. Р. К у р и л о в и ч, *Заметки о значении слова*, ВЯ, 1955, № 3, стр. 79).

⁴ S. K a r c e v s k i j, *Du dualisme asymétrique...*, стр. 24.

цевскому в этой статье не удалось. Но выставленное им положение стало для него, если употребить термин Станиславского, той «сверхзадачей», которая «предносилась» ему во всех его дальнейших опытах проникновения во внутреннюю структуру синтагмы, фразы, сложного предложения.

В учении о синтагме Карцевский исходил из того ее понимания, которое давалось этому термину в университетском курсе Балли. Синтагма для него — «всякое парное сочетание, члены которого соотносятся как определяющее (T') и определяемое (T)»¹. Синтагмы становятся предикативными, «когда отношения между словами устанавливаются в них вменятельством говорящего лица»; «становясь функцией говорящего лица, T приобретает значение лица, а T' — значения наклонения и времени»². Однако в дальнейшем в понимании Карцевским предикативной синтагмы звучат новые ноты — ноты философского волюнтаризма, глубоко чуждые идеям статической лингвистики. Возражая Шахматову и ссылаясь на Риккерта и Ерузалема, Карцевский утверждает, что «предикативная „расчлененность“ есть результат некоего ослабленного волевого вменятельства лица говорящего в установление отношений между представленными. Отражением этого волевого вменятельства, этого присутствия лица говорящего в предикативной конструкции, является то, что в речи сказуемое всегда выражает отношение к лицу». Это особенно резко выявляется в «побудительной» коммуникации, когда, например, в предложении вроде *Уходи!* «лицо говорящее так сильно „вырывается“ в речь, что трудно говорить о наличии в *Уходи!* подлежащего»³. Возражая против признания Пешковским предиката и глагола синонимами, Карцевский отрицает «предикативность» как метафизическое понятие (он сравнивает такую предикативность с мольеровской «*vis dormitiva*»); но, настаивая на том, что «любая синтагма может стать функцией лица говорящего», он сводит значение наклонения в определяемом члене, предикативной синтагмы к выражению «отношения к волевому акту» а значение времени — к выражению отношения «к моменту этого акта»⁴.

Эти критические высказывания Карцевского свидетельствуют о его отходе от позиций женевской школы, так как при волюнтаристическом понимании существа «предикативности» предикативные отношения явно выходят за границы синтагматических отношений⁵, как это прекрасно демонстрируется Карцевским в его анализе императивного *Уходи!* «Предикативность» становится брешью, посредством которой взламывается целостность традиционного «женевского» учения о синтагматике⁶. Примечательно, однако, что самое соотношение между атрибутивной и предикативной синтагмой, складывавшееся у Карцевского под воздействием субъективно-идеалистической немецкой философии, легко может быть истол-

¹ Общая теория синтагматики, разработанная Карцевским во введении к книге «*Système du verbe russe*», была систематически применена им к фактам русского языка в «Повторительном курсе русского языка».

² С. Карцевский, *Système du verbe russe*, стр. 14. Ср. «Повторительный курс русского языка», стр. 29—30.

³ С. Карцевский [реп. на кн.:] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Вып. первый. Учение о предложении и о словосочетаниях, Л., 1925, «Slavia», год. VI, seš. 1, 1927, стр. 149—150.

⁴ С. Карцевский, Еще к вопросу об учебниках А. М. Пешковского, «Родной язык и лит-ра в трудовой школе», 1928, № 1, стр. 36.

⁵ Ср. примирительную формулировку пражцев в «Тезисах пражского лингвистического кружка»: «Основное синтагматическое действие, создающее вместе с тем и предложение, есть предикация» («Thèses», TCLP, 1, 1929, стр. 13).

⁶ Общая оценка «субъективно-идеалистического» понимания предикативности у Карцевского на фоне общего учения о синтагме дана в статье В. В. Виноградова «Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка» (сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950, стр. 191—192).

ковано в духе схемы асимметрического дуализма лингвистического знака. Глубокий разрыв между синтагмой обычного типа и предикативной синтагмой может быть сведен к некоторому единству «драматического конфликта», если мы интерпретируем предикативную синтагму (т. е. предложение) как синтаксический «омоним» (в смысле Карцевского) по отношению к атрибутивной синтагме; с другой стороны, предикативная связь как определенное синтаксическое значение может быть выражена различными структурными средствами (например: *Книга интересна, Книга интересная, Книга интересуется меня, Книга представляет интерес* и т. п.), т. е. разными синонимами.

Предикативная синтагма, в понимании Карцевского, выпадает из синтагматической цепи, так как ее опорный компонент (*T*), приобретая значение лица, становится абсолютным определяемым, которое «начинает и поддерживает синтаксическую цепь»¹. Таким образом, предикативная синтагма в самой своей внутренней структуре перестает быть синтагмой и становится предложением. И когда Карцевский утверждает, что «предикативным синтагмам принадлежит главная роль в языке, потому что подобные синтагмы выражают законченную мысль и готовы в любой момент служить фразой»², он, следуя принципу асимметрии лингвистического знака, транспонирует синтагму в ранг предложения, т. е. вкладывает в понятие синтагмы новое синтаксическое значение. Только в силу такой транспозиции возникает новый ряд синонимов предикативной синтагмы в форме предложений (например, безличных предложений), не расчленимых на определяющее и определяемое: ведь, по формулировке самого Карцевского, безличное предложение — «это предикативная структура, из которой *T* исключено, а член, соответствующий *T'*, ясно указывает на невозможность отнести его к *T* абсолютному»³.

Между предложением и фразой, как их разграничивает Карцевский, также вскрывается соотношение асимметрии. Фраза — антипод предложения, и в то же время нет ничего более близкого к предложению, чем фраза. Приведем некоторые формулировки самого Карцевского. С одной стороны, «фраза — актуализированная единица сообщения. Она не имеет собственно грамматической структуры. Но она имеет свою звуковую структуру, которая заключается в ее интонации. Именно интонация образует фразу»⁴. В отличие от фразы, «предложение — это определенная грамматическая структура, и нельзя предвидеть, в каком типе фразы воплотится данное предложение. И если фраза чаще всего имеет структуру предложения, она может равным образом и не иметь этой структуры: *Вот, Да, Вон!* и т. д.»⁵. И все же «в определенном смысле предложение сближается с фразой. Его образование требует вмешательства говорящего лица, что предполагает диалог. Предложение, чтобы быть реализованным, должно получить интонацию фразы»⁶.

Наиболее отчетливо понятия предложения и фразы разграничиваются в последней теоретической работе Карцевского — в его статье «Sur la parataxe et la syntaxe en russe». Вот его формулировка: «Предложение — определенная грамматическая структура, которая характеризуется присутствием предиката. Этот последний оказывается результатом вмешательства говорящего лица в синтагмати-

¹ S. K a r c e v s k i, Phrase et proposition, «Mélanges de linguistique et de philologie offerts à Jacq. van Ginneken à l'occasion du soixantième anniversaire de sa naissance», Paris, 1937, стр. 62.

² С. О. Карцевский, Повторительный курс русского языка, стр. 29.

³ S. K a r c e v s k i j, Sur la phonologie., стр. 189.

⁴ Там же, стр. 190.

⁵ S. K a r c e v s k i, Phrase et proposition, стр. 62.

⁶ Там же, стр. 62—63.

ческое сцепление, отчего происходит коренное изменение отношений определяемого и определяющего. Это изменение состоит в появлении значений лица, наклонения и времени¹. «Фраза — это функция диалога. Это единица обмена (l'unité d'échange) между собеседниками. Как и всякий лингвистический факт, она имеет два аспекта. В понятийном плане это единица коммуникации; в плане звуковом это единица, часто очень сложная, и н т о н а ц и я». Однако и здесь сопоставление предложения и фразы Карцевский заканчивает указанием на то, что «благодаря своей предикативной природе, иначе говоря, благодаря намеку на присутствие говорящего лица, предложение особенно способно служить фразой в очень разных ситуациях»².

Из формулировок Карцевского совершенно очевидно, что фразу нельзя смешивать, отождествлять с предложением, потому что она — явление иного порядка³. И действительно, фраза асимметрична предложению, хотя и скрещена с предложением в единство одного лингвистического знака, который одновременно выступает и как фраза, и как предложение. Ведь, с одной стороны, различные по своему грамматическому оформлению предложения могут быть выражением одной и той же фразы, иметь одну и ту же интонацию (например, *Молчи!*, *Молчать!*, *Молчание!* и т. п.). С другой стороны, одно и то же по своему грамматическому оформлению, по своей структуре предложение может конструировать разные фразы, различающиеся модальностью и экспрессией (например: *Он — здесь. О! — здесь! Он — здесь?*). В первом случае перед нами синонимическая серия различным образом оформленных предложений, объединяемых императивной интонацией; во втором случае — серия фраз-омонимов, возникающих на базе единой грамматической формы. Члены первой серии взаимозамещают друг друга, члены второй — резко отталкиваются друг от друга.

В работе Карцевского «О фонологии фразы» сделан опыт систематического описания структурного многообразия интонаций русской фразы. Критическая оценка этого опыта в целом выходит за рамки настоящей статьи и требует специального анализа. Мы остановимся только на некоторых положениях этой работы, имеющих принципиальное значение для понимания тех различий, которые возникают в структуре фразы как лингвистического знака. Фраза, по Карцевскому, относится к лексикологическому плану языка, который «известным образом „накладывается“ на все другие планы языка и все их „вмещает“ в себя» („emboîte“)⁴. Фраза рождается в процессе интеграции элементов, возникающих в результате предшествующих морфологических и синтаксических дифференциаций. По характеру отношения между членами фразы различаются четыре структурных типа интонации: 1) интонация симметрии — при раздвоении фразы, когда вторая ее часть является отражением первой в плане противопоставления⁵, например: *Пройдет дождь || пойдём гулять*; 2) интонация тождественности — при перечислении, когда «все члены серии в точности воспроизводят интонацию первого члена»⁶, например: *Мелькают мимо | бѹдки | ба́бы | ма́льчишки | ла́вки | фо́нари | дво́рцы | са́ды | мо́настыри. . .*; 3) интонация градации, когда в части восходящей смысловые

¹ S. Karcevskij, Sur la parataxe., стр. 33.

² Там же, стр. 34.

³ О несправочности механического противопоставления фразы и предложения см. В. В. Виноградов, Основные вопросы синтаксиса предложения, сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 408—412.

⁴ S. Karcevskij, Sur la phonologie., стр. 189—190. Карцевский пользуется здесь термином, предложенным Сешез (A. Sèchehayе, Programme et méthode de la linguistique théorique, Paris—Leipzig—Genève, 1908).

⁵ Там же, стр. 209—210.

⁶ Там же, стр. 215.

единицы «не являются ни контрастирующими, ни тождественными, но аналогичными»¹, например: *Я не понимаю | как вы | с вашей добротой | можете так поступать || и еще хвалить ся этим*; 4) интонация асимметрии, когда «две смысловые единицы оказываются смежными, причем первая может быть выделена за счет другой, отнесенной на второй план»². Это — интонация вставки, вводности, например: *Стоило только захотеть || казлось мне тогда || чтобы все пошло по-иному*. Такая интонация «напоминает нам, что то, что ей предшествует, более важно, чем та смысловая единица, которую она сама передает». Вот почему, по мнению Карцевского, «та пара, вторым членом которой она является, заставляет думать о чем-то асимметрическом»³. Таким образом, и в области фразовых интонаций Карцевский обнаруживает наличие асимметрии. И для него это не случайно, потому что в сфере синтагматики «аналогичным вводности оказывается примыкание»⁴. Следовательно, единицы интонации также включаются в состав живых лингвистических знаков, образующихся путем «скрещивания линии синонимической с линией омонимической»⁵. Однако совершенно очевидно, что интонация вводности вовсе не является центральной или основной единицей интонации, поэтому остается неясным, каким образом в качестве «живого лингвистического знака» выступает явление побочное и, по существу, вторичное.

Вопрос о соотношении между предложением и фразой привел Карцевского к проблеме структуры «сложной фразы», выяснению типов сложной фразы на основе разграничения сочинения, подчинения и бессоюзных паратактических конструкций. Во втором разделе статьи «Понятие процесса в русском языке»⁶ мы находим опыт разграничения двух типов сложной фразы. В одних случаях, по мнению Карцевского, соединение двух частей фразы опирается на их последовательность. В этом типе *A* интересует нас только как условие появления *B*, и акцентом подчеркивается вторая часть фразы: *Конь бежит — земля дрожит*. Но так как вторая часть выводится из первой, отношения между ними оказываются двусторонними — по формуле $A \rightleftharpoons B$. В других случаях связи двух высказываний в одной фразе *A* и *B* сосуществуют, сопологаются, причем *B* выступает только как спутник («сопратон») *A*, его характеризующий, и внимание сосредоточивается на первой части, на которую и падает акцент: *Стоит избушка — плетнем огорожена*. В таких случаях отношение между обеими частями фразы одностороннее и *B* только присоединяется к *A* по формуле $A \leftarrow B$. Впоследствии эти соображения о разных типах построения сложной фразы находят более полное и широкое развитие.

Вопрос о структуре сложной фразы очень интересовал Карцевского с начала 40-х годов; выступая в Копенгагенском кружке лингвистов в мае 1940 г. с докладом на тему «Два предложения в одной фразе», он сообщил о своем намерении посвятить этому вопросу отдельную монографию⁷. Напечатанный в CFS текст с тем же заглавием является наиболее обстоятельным изложением названного доклада⁸. Сопоставление этого текста с более поздней статьей «Sur la parataxe et la syntaxe en russe»⁹ дает воз-

¹ Там же, стр. 213.

² Там же, стр. 217.

³ Там же, стр. 218.

⁴ Там же, стр. 222.

⁵ Там же, стр. 226.

⁶ См. CFS, 14, стр. 33—35. Этот раздел не имеет органической связи с основной частью статьи, посвященной анализу различных аспектов процесса, выражаемого русским глаголом.

⁷ См. CFS, 1, стр. 9.

⁸ S. K a r c e v s k i, Deux propositions., стр. 36—52.

⁹ CFS, 7, стр. 33—38.

можность более цельно представить, как дифференцировал Карцевский сложное предложение по его структурным признакам. Прежде всего он выделяет в особую группу паратактические структуры сложной фразы, основанные на факте простого следования частей. Карцевский различает три разновидности паратактических оборотов: 1) *Я вижу: конь бежит*. Отношения между двумя предложениями в составе этой сложной фразы можно представить в виде двух концентрических кругов, из которых внутренний соответствует второй части; 2) обороты с двусторонним соотношением частей, сопоставленных друг с другом как посылка и вывод из нее: *Конь бежит, земля дрожит* и обратно: *Земля дрожит* — (это потому, что) *конь бежит*; 3) случаи, когда вторая часть дополняет первую, присоединяясь к ней, например: *Я вхожу, мой брат меня ждет* (уже). Здесь связь между частями односторонняя и заметно более слабая. Эта разновидность, очевидно, соответствует тому типу бессоюзной связи частей в сложной фразе, который был представлен в более ранней статье примером *Стоит избушка — плетнем огорожена* (см. выше). Таким образом, в основу разграничения бессоюзной сложной фразы Карцевский кладет тот или иной структурный признак соотношения ее частей. Вторая часть может или включаться в объем первой части, или обе части могут быть взаимосвязаны двусторонним соотношением, или вторая часть только примыкает, присоединяется к первой.

В отличие от бессоюзных, паратактических структур, в которых «отношение, соединяющее предложения, только мыслится, не будучи выраженным», в других типах сложных фраз это отношение тем или другим образом выражено. Среди сложных фраз, возводимых по установившейся традиции к подчинению, в которых отношение между частями выражено местоимениями указательными («серия *т*») или вопросительно-неопределенными («серия *к*»), Карцевский также разграничивает три разновидности, соответствующие трем формулам подчинения¹: 1) фразы, в которых за посылкой следует вывод и которыми выражается двусторонняя обратимая связь коррелятивных предложений: *Каков пол, таков и приход, Чем дальше в лес, тем больше дров* (формула k/t); 2) фразы с относительной второй частью, выражающие одностороннюю необратимую связь входящих в их состав предложений: *Я прочел (ту) книгу, которую (или что) вы мне принесли, Я не знал (о том), что он болен* (формула $(t)/k$); 3) фразы, тоже выражающие одностороннюю и необратимую связь предложений, причем вторая часть фразы, представляющая собою анафорическое предложение, аппозитивно примыкает к первой: *Я провел вечер в гостях, чего давно уже со мной не случалось* (формула $-/k$)².

В разграничении типов подчинительной связи, которое проводит здесь Карцевский, существенны указания: 1) на двустороннюю направленность более тесного соотношения частей в сложных фразах первой разновидности, 2) на факультативность указательного соответствия в сложных фразах второй разновидности и 3) на аппозитивный характер присоединения второй части в сложных фразах третьей разновидности при совершенной невозможности указательного соответствия (*t*) в первой части. Еще более примечательно то, что Карцевский не включает в свою схему сложных фраз, в которых соотношение частей выражено подчинительными союзами.

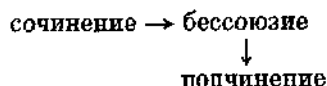
¹ S. K a r c e v s k i, Deux propositions..., стр. 37; ср. е г о же, Sur la parataxe..., стр. 36—38.

² Пользуясь случаем, чтобы признать недостаточной ту оценку, которая дана мной схеме Карцевского в статье «О грамматической природе сложного предложения» (сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», стр. 335—336) на основании материала статьи «Sur la parataxe et la syntaxe en russe», где схема вариаций подчинения изложена конспективно, без авторских комментариев.

Оговаривается только гибридный характер уступительных соотношений: они приближаются к сочинению, когда подчеркивается не взаимозависимость частей, а их противопоставление: «*Хотя он всюду обращался, однако (но, а) толку из этого не вышло*»¹. Что касается сочинительного соотношения внутри сложной фразы, то, основываясь на характеристике сочинительных союзов как средств связи, восходящих к восклицаниям (в связи с чем они могут функционировать как внутри фразы, так и между двумя отдельными фразами, а также соединять акты предикации и отдельные слова), Карцевский приходит к выводу, что сочинительные отношения «не образуют системы, как это имеет место в подчинении, а составляют скорее открытую серию различий» (*série ouverte de discriminations*)².

Чрезвычайно интересны и требуют специального рассмотрения соображения Карцевского о внутренней связи структуры сложной фразы с формами диалога. Карцевский различает две формы диалога: 1) вопрос — ответ и 2) смена реплик — и возводит сочинительную связь ко второй форме диалога. Вот небольшой диалог, которым Карцевский иллюстрирует исконную функцию сочинительных союзов как «вводящих знаков» (*signes introducteurs*) при реплицировании: А. *Я пойду прогуляюсь.* — В. *И я с тобой.* — С. *А я останусь.* — Д. *Но к нам будут гости.* — А. *Да я ненадолго.* — Д. *Ну, ступай*³. Что касается подчинения, то Карцевский ставил вопрос о его родстве с вопросо-ответной формой диалога — диалогом «информации»⁴. Эта же вопросо-ответная форма диалога, по Карцевскому, является наряду с монологом той языковой почвой, на которой возникла синтаксическая связь подчинения посредством вопросительно-неопределенных и указательных местоимений.

Примечательны соображения Карцевского о соотношении между сочинением, подчинением и бессоюзной связью. Карцевский отрицает непосредственную соотносительность сочинения и подчинения, но настаивает на соотносительности подчинения и бессоюзия (*asyndète*), «поскольку первое может рассматриваться как выражение (*explication*) подразумеваемых (*implicites*) отношений, заложенных в бессоюзных структурах»⁵. По мысли Карцевского, *Вижу: собака бежит* и *Вижу, что собака бежит* — два разных способа выражения одного и того же содержания, которые поэтому должны рассматриваться как синтаксические синонимы. «Что же касается сочинения, то оно относится к тому же плану, что и бессоюзие, и с им у л ь т а н н о по отношению к нему»⁶. Иными словами, между сочинением и бессоюзием устанавливается омонимическое соотношение. Поэтому, по мысли Карцевского, можно сказать, что «сочинение и бессоюзие соплагаются (*se juxtaposent*) на горизонтальной линии, тогда как бессоюзие и подчинение расположены по вертикали»⁷. Это соотношение можно было бы передать графически следующим образом:

Если довести мысль Карцевского до конца, то мы должны будем прийти к выводу, что между сочинением и подчинением имеет место соотношение асимметрии. Как показывает эта схема, сочинение и подчинение непосредственно не «встречаются», но по принципу асимметрии восходят к бессою-

¹ S. K a r c e v s k i, Deux propositions..., стр. 39.

² Там же, стр. 38.

³ Там же, стр. 40.

⁴ S. K a r c e v s k i, Sur la parataxe..., стр. 37—38.

⁵ Е г о ж е. Deux propositions..., стр. 38.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 39.

зию как своему источнику, от которого они расходятся в перпендикулярно-различных направлениях. Таким образом, бессоюзие оказывается ареной столкновения асимметрически расходящихся синтаксических связей подчинения и сочинения. При этом подчинение и бессоюзие выступают как синонимически различные формы выражения одного и того же синтаксического значения, а сочинение и бессоюзие в рамках единого формального выражения оказываются носителями различных значений, в реализации которых определяющую роль имеет транспозиция в сочинительные союзы восклицаний как вводящих знаков реплицирования¹.

Лингвистическое наследство Карцевского не поражает ни обилием написанного им, ни разнообразием тематики. В списке трудов Карцевского (составленном для 14-го выпуска CFS Р. Якобсоном) значится всего 30 названий его отдельных напечатанных работ и 19 рецензий. Среди этих трудов — только одна вполне законченная монография. Во всех работах Карцевского общие идеи о языке раскрываются на материале современного русского языка, и все написанное им одушевлено великой любовью к русскому языку. Основной творческой идеей Карцевского была идея асимметрического дуализма лингвистического знака как скрещения омонимии и синонимии. Эта идея делала для него тесными рамки канонического сосюрианства и постоянно звала его к построению такой структуральной теории, которая, не ограничиваясь синхронным анализом, дала бы возможность вскрыть факторы развития в языке живых и продуктивных его категорий.

¹ См. S. Karcevski, Introduction à l'étude de l'interjection., стр. 57—75